

Некоторые из моделей прономинальных словосочетаний в марийском языке (словосочетания с личными местоимениями)

С. С. Сибатрова

Марийский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории им. В. М. Васильева,
г. Йошкар-Ола, Российская Федерация,
simasibatrova802@rambler.ru

АННОТАЦИЯ

Введение. В работе представляется описание отдельных моделей марийских прономинальных словосочетаний с личными местоимениями в главной позиции. Они до настоящего времени не были предметом исследования. Изучение моделей осуществлялось такими методами, как описательный и структурный, а также контекстуального анализа.

Цель: дать характеристику прономинальных словосочетаний с именными конструкциями, снабжёнными послелогом *кокля гыч* 'из' (ИЧР_{кокля гыч} + М_{личн.}) и *кокляште* 'среди' (ИЧР_{кокляште} + М_{личн.}), с отрицательным местоимением *иктат* 'никто' (М_{личн. мн. ч.} + М_{отр. иктат}) в зависимой позиции.

Материалы исследования: материалы по лугово-восточной марийской литературной норме, содержащиеся в электронном собрании, создаваемом для корпуса языка (ок. 20 миллионов словоупотреблений).

Результаты и научная новизна. В системе марийских прономинальных словосочетаний известное место занимают единицы, состоящие из опорного личного местоимения и зависимого компонента, выраженного конструкциями с послелогом *кокля гыч* 'из' и *кокляште* 'среди', местоимением *иктат* 'никто'. Ввиду особенностей значений словосочетаний в моделях ИЧР_{кокля гыч} + М_{личн.} и ИЧР_{кокляште} + М_{личн.} в главной позиции используются преимущественно местоимения единственного числа, а в модели М_{личн. мн. ч.} + М_{отр. иктат} – только множественного числа. Семантикой личных местоимений определяется то, что в зависимой части выступают более всего имена, обозначающие одушевлённый предмет. Имена в послеложных конструкциях имеют форму как множественного, так и единственного числа. Всем моделям характерны определительные отношения – выражение признака лиц и иногда неодушевлённых предметов по их среде, а также значения «никто из множества лиц». Словосочетания с послеложными конструкциями строятся на основе управления, а с отрицательным местоимением – согласования.

Новизна работы в том, что в ней впервые подвергнуты описанию вышеуказанные модели словосочетаний. Установлены особенности выражения и проявления в речи главного и зависимого компонентов, смысловые отношения и грамматические связи в словосочетаниях.

Ключевые слова: марийский язык, прономинальные словосочетания, модели, личные местоимения, именные послеложные конструкции, отрицательное местоимение, грамматическая связь, грамматическое значение

Для цитирования: Сибатрова С. С. Некоторые из моделей прономинальных словосочетаний в марийском языке (словосочетания с личными местоимениями) // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. № 3. С. 526–535.

Some of the models of pronominal phrases in the Mari language (phrases with personal pronouns)

S. S. Sibatrova

Mari Scientific Research Institute of Language,
Literature and History named after V. M. Vasilyev,
Yoshkar-Ola, Russian Federation,
simasibatrova802@rambler.ru

ABSTRACT

Introduction: the paper presents a description of some models of Mari pronominal phrases with personal pronouns as the head. So far, they have not been the subject of research. The study of the phrases was carried out using such methods as descriptive and structural, as well as contextual analysis.

Objective: to give an analysis of pronominal phrases with dependents, expressed by constructions with postposition *kokla gyh* 'of, amongst' (NOM_{kokla gyh} + PRON_{pers}) and *koklashte* 'in the middle' (NOM_{koklashte} + PRON_{pers}), as well as by the negative pronoun *iktat* 'nobody' (PRON_{pers pl} + PRON_{neg iktat}).

Research materials: materials on the Meadow-Eastern Mari literary norm from an electronic collection created for the corpora of the Mari language (about 20 million words).

Results and novelty of the research: in the system of Mari pronominal phrases units consisting of personal pronoun as a head and a dependent constituent expressed by constructions with the postposition *kokla gych* 'of, amongst', *koklashte* 'in the middle' and by pronoun *iktat* 'nobody' commonly occur. Because of the peculiarities of the meanings in the models $NOM_{kokla\ gych} + PRON_{pers}$ and $NOM_{koklashte} + PRON_{pers}$ pronouns are used mainly in singular, whereas in the model $PRON_{pers}^{pl} + PRON_{neg\ iktat}$ only in plural. The semantics of the personal pronouns determines the fact that most often nominals in the dependent position denote an animate object. Nominals in postpositional constructions may be plural as well as singular. All models have attributive realtions – they modify a persons and in some cases inanimate objects upon their environment, as well as they express the meaning "none of the named set of persons". Phrases with postpositional constructions are based on control, whereas with negative pronouns on agreement.

The novelty of the paper lies in the fact that for the first time the above mentioned models of phrases have been identified and analysed. There were established and explained the peculiarities of the performing of the main and dependent constituents, as well as semantic and grammatical relations in the phrases.

Key words: Mari language, pronominal phrases, models, personal pronouns, nominal postpositional constructions, negative pronouns, grammatical relation, grammatical meaning

For citation: Sibatrova S. S. Some of the models of pronominal phrases in the Mari language (phrases with personal pronouns) // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2022; 12 (3): 526–535.

Введение

В работах по современной марийской грамматике крайне редко обращается внимание на сочетаемостные возможности местоимений. Например, З. В. Учаев в учебном пособии по морфологии для студентов, отмечая синтаксические особенности местоимений-существительных, в т. ч. личных, пишет о том, что они не могут иметь определений [13, 172]. Лишь в сопоставительной грамматике русского и марийских языков Л. П. Васиковой [2, 19–22], в подразделе о структуре словосочетаний, уделяется небольшое место схемам «с местоимением в роли главного слова» (правда, примеры с личными местоимениями не представлены). В конце подраздела сделано заключение, что «в русском и марийских языках структурные схемы словосочетания с главным словом – местоимением лексически ограничены» [2, 22]. Проведённое нами наблюдение за валентностными свойствами личных местоимений и их анализ показывают, что такие местоимения вполне способны образовывать в рамках предложений словосочетания, причём разной модели. Выявление и описание подобных практически неизученных прономинальных синтаксических единиц имеет важное теоретическое и практическое значение для дальнейшего углубления и расширения знаний о грамматических признаках не только местоимений, но и слов других частей речи, выступающих в зависимой позиции словосочетаний. Цель настоящей статьи заключается в изложении некоторых из ряда моделей марийских прономинальных (лат. *pronominalis* – местоименный) словосочетаний, а именно: $ИЧР_{kokla\ gych} + M_{личн.}$ (именные

части речи с послелогом *kokla gych* 'из' + личные местоимения), $ИЧР_{koklashte} + M_{личн.}$ (именные части речи с послелогом *koklashte* 'среди; в составе, в числе кого-, чего-либо' + личные местоимения), $M_{личн. мн. ч.} + M_{отр. iktat}$ (местоимение личное множественного числа + отрицательное местоимение *iktat* 'никто'). При этом решаются задачи освещения конкретных форм выражения их составляющих, грамматических значений и связей между компонентами, основных особенностей употребления в речи. (Ранее автором была проанализирована модель $M_{личн.} + M_{отр. шке}$, т. е. с ядерными личными местоимениями и зависимым местоимением *шке* 'сам(а), сами' [10]).

Материалы и методы

Практической базой для выявления, изучения и описания моделей словосочетаний послужили материалы по лугово-восточному марийскому литературному языку, представленные в электронном собрании текстов (прежде всего художественных произведений и периодической печати) в объёме ок. 20 миллионов словоупотреблений. Словосочетания выявлялись путём поиска и лингвистических наблюдений как по опорным личным местоимениям, так и по зависимым компонентам. Нужно заметить, что иллюстрации (предложения) приводятся в статье в сокращённом виде, достаточном для изложения темы; родовые особенности лиц и глаголов, также знаки препинания при репликах диалога не отражаются. Разностороннему изучению и освещению словосочетаний способствовали такие общеизвестные лингвистические методы и методики исследования, как синхронно-

описательный и структурный, а также контекстуального анализа.

Результаты

1. Именные части речи (существительное, действительное и иногда страдательное причастие, изредка: местоимение собирательного значения, прилагательное, количественное числительное) с послелогом *кокла гыч* 'из' + личные местоимения (ИЧР_{кокла гыч} + М_{личн.}). Ядерным компонентом в словосочетаниях данной модели являются личные местоимения. Судя по материалам источника, примеров словосочетаний на такую модель, в особенности с личными местоимениями множественного числа, немного. Зависимые имена почти всегда обозначают одушевлённый предмет, хотя при местоимениях 3 л. обоих чисел допускаются и неодушевлённые существительные. Безусловно, это связано с семантическими особенностями местоимений, указывающих главным образом на определённое лицо (лица), за исключением местоимений 3 л., которые могут указывать и на не лица (людей) и неодушевлённые предметы: *марий-влак кокла гыч мый* 'из марийцев я', *удырамаш кокла гыч тый* 'из женщин ты', *самырык-влак кокла гыч тудо* 'из молодых он', *пӧрӧен кокла гыч ме* 'из мужчин мы', *артист-влак кокла гыч те* 'из артистов вы', *рвезе-влак кокла гыч нуно* 'из парней они' – *кайык-влак кокла гыч тудо* (*йӱксӧ*) 'из птиц он (лебедь)', *предприятий-влак кокла гыч тудо* 'из предприятий оно', *пушенге-влак кокла гыч нуно* 'из деревьев они'. Например: *Уныкаж-влак кокла гыч мый* *икымше лийынам* («Ончыко») 'Из (его) внуков я был первым'; *Чыла удыр-рвезе кокла гыч тый эн пиалан улат* (К. Коршунов) 'Из всех девушек и парней ты самый счастливый'; *Удыр-влак кокла гыч тудо эн талын куржын* (В. Сапаев) 'Из девушек она бежала быстрее всех'; *Икшыве-влак кокла гыч ме гына илыше кодынна* («Марий Эл») 'Из детей только мы остались живыми'; *Чыла йоча-влак кокла гыч нуно мутланаши пеш кумылзак улыт* («Кугарня») 'Из всех детей они очень общительны'. – *Кумло организаций кокла гыч тудо эн чолган икенжым ончыктен* («Марий Эл») 'Из тридцати организаций она показала себя самой активной'; *Моло шудыр-влак кокла гыч тудо эн волгыдо* («Ончыко») 'Из остальных звёзд она самая яркая'. Определяющие

причастия, местоимения, прилагательные и числительные в описываемой модели обычно имеют значение существительных – употребляются вместо существительных и субстантивных словосочетаний: *возышо кокла гыч мый* 'из пишущих я', *лудшо кокла гыч тый* 'из читателей (букв. читающих) ты', *палыме кокла гыч тудо* 'из знакомых он', *тольо-влак кокла гыч ме* 'из прибывших мы', *(тыге) шонышо-шамыч кокла гыч нуно* 'из думающих (таким образом) они'; *чылашит кокла гыч тый* 'из всех них ты', *мемнан кокла гыч тудо* 'из нас он'; *самырык кокла гыч тый* 'из молодых ты', *мотор кокла гыч тудо* 'из красивых он', *ангыра кокла гыч те* 'из глупых вы'; *шӱдӧ кокла гыч тый* 'из ста ты'. Например: *Ансамбльыш коштышо кокла гыч мый гына илыше кодынам* (И. Ломберский) 'Из участников ансамбля (букв. из ходящих в ансамбль) только я остался живым'; *Икшыве-влаклан возышо-влак кокла гыч тудо эн уста ыле* (М. Рыбаков) 'Из детских писателей (букв. из пишущих для детей) он был самым талантливым'; *Чыла кокла гыч тудо вет эн сае* (А. Бик.) 'Из всех он ведь лучший'; *Эн сайын модшо семын самырык кокла гыч тудым палемденят* («Марий Эл») 'Как лучшего игрока отметили из молодых его'; *Молан Тӱжем-тӱжем кокла гыч тыйым шотлалым эн сайлан?* (М. Казаков) 'Почему из тысяч и тысяч (девушек) наилучшей посчитал я тебя'. Необходимо отметить, что в предложениях подчинённые компоненты модели зачастую имеют двойную связь – с последующим личным местоимением и со сказуемым.

В предложениях зависимые имена словосочетаний, в особенности выраженные существительными, часто содержат при себе разные, в т. ч. количественные, определения; причастие нередко выступает как главное слово оборота. Таким образом более конкретно передаётся круг лиц (и неживых предметов) как целое, откуда выделяется часть, указываемая личным местоимением. Например: *Погынышто вич кандидат кокла гыч мыйым сайлышит* («Марий Эл») 'На собрании выбрали из пяти кандидатов меня'; *Чыла удырамаш кокла гыч тый келшет* (И. Осмин) 'Из всех женщин нравишься ты'; *Театрлан негызым ыштыше самырык артист-влак кокла гыч тудо эн ончыч тиде суап лӱм дене палемдалте* («Марий Эл») 'Из молодых артистов, положивших основу театру, он раньше всех отмечен этим заслуженным званием'.

Смысловое отношение между составляющими атрибутивное, в словосочетании обозначается выделение части из какого-либо целого, т. е. выражается признак лиц (и неживых предметов) по среде как совокупности, откуда они выделяются. Поэтому в речи главные компоненты могут сопровождаться выделительно-ограничительными частицами (практически *лач*, *гына*, *веле* ‘только, лишь’). Части словосочетаний связываются на основе послеложного управления. Например: *Нунын кокла гыч лачак тудлан гына ўшан уке* («Ончыко») ‘Из них лишь только ему нельзя верить’; *Машинамат ўдырамаш-влак кокла гыч мый гына викаренам* («Марий Эл») ‘Из женщин только я водила машину’; *Куштышо кокла гыч тудак веле ончалтышем юлен шынден* (В. Смирнов) ‘Из пляшущих только она заморозила мой взгляд’. Подобное приместоименное употребление ограничительных частиц встречается и в других финно-угорских языках; например, в ливвиковском наречии карельского языка [7, 684].

Небезынтересно, что опорные личные местоимения могут функционировать в предложении не только как субъект, но и как объект и определение. При этом они выступают главным образом в именительном, родительном, дательном и винительном падежах. (Другие финно-угорские языки в этом отношении проявляют себя по-разному. Например, «в центральном и юго-восточном диалектах» мокшанского языка «парадигма собственно-личных местоимений состоит из восьми падежей», а в западном диалекте – «из семи падежей» [3, 227–229]; в большинстве удмуртских диалектов система склонения личных местоимений «представлена 9 членами падежной парадигмы» [5, 405–406]). В данном случае зависимая послеложная конструкция остаётся неизменной. Правда, ее именная часть может быть употреблена в формах обоих чисел – и множественного, и единственного, что никак не влияет на значение словосочетания (в марийском литературном языке нет каких-либо норм касательно формы числа имен в подобных конструкциях). Например: *Ўдыр кокла гыч тудын кучышыжым онченак куанет* (Ю. Галютин) ‘Радуешься, смотря на её из девичьих (букв. из девушек) работу’; *Ондакысе тунемше кокла гыч тудланат мутым пуэныт* (П. Корнилов) ‘Из бывших учеников и ему дали слово’; *Возы-*

шо кокла гыч тудым эн пытартышлан нальыч (Ю. Артамонов) ‘Из писателей его забрали самым последним’. – *Самырык автор-влак кокла гыч утларакшы тудын ойлымашлаже келшенит* («Марий Эл») ‘Из молодых авторов более всего понравились его рассказы’; *Тысе композитор-влак кокла гыч тендан музыкдак веле келша* (К. Коршунов) ‘Из здешних композиторов нравится только ваша музыка’. Правда, здесь составляет исключение употребление формы числа, прежде всего единственного, продиктованное, согласно грамматическим правилам, предшествующими количественными словами (см.: [11, 119; 13, 141; 8, 12–13, 130–131, 161–162, 171–172, 176]); например: *Шым йоча кокла гыч мыланем гына вузым тунем пытараи пўрен* («Ончыко») ‘Из семи детей только мне было суждено окончить вуз’; *Ала-мыняр ўдырамаш кокла гыч тыйым ойырен налын* (З. Долгова) ‘Из нескольких женщин тебя выбрал’. Формы числа зависимых имён в описываемой модели, прежде всего причины их разнообразия, заслуживают дальнейшего исследования. Нужно заметить, что специалисты мало обращали внимание на форму числа имён в марийских послеложных конструкциях, их более всего интересовали падежные особенности имён; см.: [11, 290; 9, 119–122; 16, 240].

2. Именные части речи (существительное, действительное и иногда страдательное причастие, изредка: местоимение множественного и собирательного значения, прилагательное) с послелогом *коклаште* ‘среди; в составе, в числе кого-, чего-либо’ + личные местоимения (ИЧР_{ко-} + М_{личн.}). Согласно материалам источника, словосочетания данной модели, как и предыдущей, фиксируются в употреблении достаточно ограниченно. Причём выступают они в основном с местоимениями единственного числа, поскольку и здесь выделение предполагает отбор кого-, чего-либо, чаще всего в количестве одного, в составе множества каких-либо лиц или иногда неживых предметов.

Зависимые существительные в абсолютном большинстве случаев, как и в модели с послелогом *кокла гыч* ‘из’, относятся к выражающим живые предметы, только при местоимениях 3 л. обоих чисел в силу специфики их значения иногда наблюдаются неодушевлённые существительные. Такая семантико-синтаксическая особенность

вызвана тем, что опорным личным местоимениям, как известно, свойственно указание более всего на одушевлённые предметы – лица: *паша-ен-влак коклаште мый* ‘среди работников я’, *тунемшие коклаште тый* ‘среди учащихся ты’, *ўдырамаш-шамыч коклаште тудо* ‘среди женщин она’, *ўдыр-рвезе-влак коклаште ме* ‘среди молодых (букв. молодежи) мы’, *пёръен-шамыч коклаште те* ‘среди мужчин вы’, *шымлызе коклаште нуно* ‘среди исследователей они’ – *произведений-влак коклаште тудо* ‘среди произведений он’, *ола-влак коклаште нуно* ‘среди городов они’. Например: **Коммунист-влак коклаште мый эн шуко йўкым погенам** («Ончыко») ‘Среди коммунистов я набрал больше всех голосов’; *Спортын тиде видше дене ўдырамаш коклаште тый сенгышыш лектыч* («Кугарня») ‘В этом виде спорта победила среди женщин ты’; **Юмо-влак коклаште тудо эн изи** (Г. Яковлев) ‘Среди богов он является низшим’; **59 ен коклаште нунат тангасаш тўналгыт** («Марий Эл») ‘Среди 59 человек и они будут соревноваться’. – *Сенгышыш районласе электросеть-влак коклаште тудо лектын* («Марий Эл») ‘Среди районных электросетей она стала победителем’; *Республикысе озанлык-влак коклаште тудо эн шуко пўлекым поген* (Ю. Артамонов) ‘Среди хозяйств республики оно собрало больше всего подарков’. Остальные именные слова послеложной конструкции – действительное и страдательное причастия, местоимение множественного и собирательного значения, прилагательное – обычно употребляются в значении существительных, причём почти всегда одушевлённых, или заменяют субстантивное словосочетание: *палыме-влак коклаште тый* ‘среди знакомых ты’, *куштышо-влак коклаште тудо* ‘среди пляшущих он’, *кусарыше-влак коклаште те* ‘среди переводчиков вы’, *погынышо-влак коклаште нуно* ‘среди собравшихся они’; *нунын коклаште мый* ‘среди них я’, *тендан коклаште тудо* ‘среди вас он’, *чыла коклаште тудо* ‘среди всех он’; *кугырак-влак коклаште мый* ‘среди взрослых я’, (*кыдалаш*) *ийготан-влак коклаште тый* ‘среди людей среднего возраста (букв. возрастных) ты’, *його-влак коклаште тудо* ‘среди лентяев он’. Например: **Ныллым чўктышў-влак коклаште тудо гына шотым палыше лийын** (В. Абукаев) ‘Среди зажигающих (свечи) на сороковой день только

она знала толк’; **Толшо-влак коклаште нуно путьрак ойыртемаптыныт** («Кугарня») ‘Среди прибывших они очень выделялись’; **Мемнан коклаште тый тунеммаште эн тале ылыч** (М. Илибаева) ‘Среди нас ты был самым сильным в учёбе’; **Моло коклаште тудат пашажым удан огыл ышта** («Ончыко») ‘Среди других и он неплохо выполняет свою работу’; **Изирак-влак коклаште нунак сенгышыш лектыч** («Марий Эл») ‘Среди младших они же стали победителем’. Как и в предыдущей модели, в предложениях зависимые компоненты почти всегда проявляют двойную связь – как с личными местоимениями, так и с глаголами в предикативной или другой функции.

В речи зависимые компоненты, прежде всего субстантивные, часто снабжаются различными, в т. ч. количественными, определениями; причастия выступают в качестве слова, образующего причастный оборот. Например: **Кумшўдў наре участник коклаште мый призывым сулен налым** («Марий Эл») ‘Среди трёхста участников я выиграл приз’; **Шуко калык коклаште тудо нимо денат ойыртемаптын огыл** (В. Краснов) ‘Среди многих людей он не отличался ничем’; **Ош йўксў коклаште мый – шакше лудиге** (Ю. Галютин) ‘Среди белых лебедей я – гадкий утенок’; **Ушкалым лўштышў-влак коклаште тый кокымшо лийынат** («Марий Эл») ‘Среди доярок (букв. доящих коров) ты стала второй’.

Словосочетания данной модели передают выделение какого-либо лица, иногда и предмета в числе, составе кого-, чего-либо, ограничение круга лиц, иногда и неживых предметов кем-, чем-либо среди других подобных. Следовательно, по своему значению они относятся к атрибутивным. В связи с особенностями значения при местоимениях, как и в предшествующей модели, могут употребляться выделительно-ограничительные частицы *гына*, *веле*, *лач* ‘только, лишь’. Например: **Нунын коклаште мый гына орадыла коям** (В. Краснов) ‘Среди них только я выгляжу как дурак’; **ўдырамаш-влак коклаште тудо веле ок шорт** (Ю. Артамонов) ‘Среди женщин только она не плачет’. **Погынышо коклаште лач тудым гына палыш** (П. Корнилов) ‘Среди собравшихся узнал лишь только его’. Видно, что компоненты словосочетания соединяются связью послеложного управления.

Стержневые местоимения могут функционировать в речи и как субъект, и как объект (действия, состояния и др.). В зависимости от этого они проявляют себя в разных субъектно-объектных падежах. Определяющие послеложные конструкции при этом остаются без изменений, хотя их знаменательный компонент, как и в предыдущей модели, способен иметь формы обоих чисел – и множественного, и единственного. Судя по источнику, в данном случае преобладают формы множественного числа. Например: *Пашаен-влак коклаште Мыйынат надырем* («Ончыко») ‘Среди работников и я внёс вклад (букв. и мой вклад)’; *Изи-влак коклаште тудлан призовой верым пумымо* («Марий Эл») ‘Среди младших ему дали призовое место’. – *Связной коклаште тудо эн чолга курсант* (И. Иванов) ‘Среди связанных он самый смелый курсант’; *Сцене мастар коклаште нуно сайын палыме улыт* («Марий Эл») ‘Среди мастеров сцены они хорошо известны’. Часть таких форм, прежде всего единственного числа, продиктована синтаксическими нормами языка, действующими в случае сочетания имен со словами количественного значения. Например: *Нине вич ен коклаште тудо эн онгайын койын* («Ончыко») ‘Среди этих пяти человек он выглядел самым интересным’; *Шуко эл коклаште Лач тый гына Улат мотор, чечен* (В. Горохов) ‘Среди многих стран лишь только ты красива, прекрасна’.

3. Местоимение личное множественного числа + отрицательное местоимение *иктат* ‘никто’ ($M_{\text{личн. мн. ч.}} + M_{\text{отр. иктат}}$). В настоящей модели *иктат* ‘никто’ может выступать при личных местоимениях только множественного числа: *ме иктат* ‘никто из нас’, букв. ‘мы никто’, *те иктат* ‘никто из вас’, букв. ‘вы никто’, *нуно иктат* ‘никто из них’, букв. ‘они никто’, т. е. словосочетания в целом передают значение «ни один из указанного множества лиц» (не является субъектом или объектом действия, состояния и т. д.). То, что в данных конструкциях главным компонентом является личное местоимение, не вызывает сомнений. С одной стороны, в предложении именно ему, субъектному местоимению, уподобляется в числе и лице сказуемое, например: *Ме иктат йодышым она ну* (А. Ягельдин) ‘Мы никто не задаём вопросов’; *Нуно иктат эмлалтын огытыл* («Эрвий») ‘Они никто

не лечились’ (известно, что в отрицательном спряжении марийских глаголов лицо и число передаются в отрицательном средстве). С другой стороны, в источнике представлено множество примеров согласования отрицательного местоимения предшествующему личному в лице и числе, а также в каком-либо объектном падеже (по отдельности или совместно). Чаще всего наблюдается такое одновременное уподобление слова *иктат* личному местоимению: род. п. *мемнан иктынанат* ‘у нас ни у кого’, дат. п. *мыланна иктыланнат* ‘нам никому’, вин. п. *мемнам иктынамат* ‘нас никого’; род. п. *тендан иктыданат* ‘у вас ни у кого’, дат. п. *тыланда иктыландат* ‘вам никому’, вин. п. *тендам иктыдамат* ‘вас никого’; род. п. *нунын иктыштынат* ‘у них ни у кого’, дат. п. *нунылан иктыштыланат* ‘им никому’, вин. п. *нуным иктыштымат* ‘их никого’. Например: *Мемнан иктынанат* (1 л. мн. ч., род. п. – Сиб.) *опытна лийын огыл* (Й. Осмин) ‘У нас ни у кого не было опыта’; *Мый тендам иктыдамат* (2 л. мн. ч., вин. п. – Сиб.) *кудалтен ом керт* (А. Александров) ‘Я не могу бросить вас никого’; *Зоя саде порт дек ваишкыш, но нуным иктыштымат* (3 л. мн. ч., вин. п. – Сиб.) *ыш му* (А. Тимофеев) ‘Зоя спешила к тому дому, но не нашла их никого’. Примечательно, что притяжательное склонение отрицательных местоимений наблюдается и в некоторых других финно-угорских языках, например, в инсарском диалекте мокшанского языка, где местоимение *miz’əvək* ‘что’ «изменяется по 10 падежам» во всех шести лицах [4, 193]. Подобная «синтетичность» – «сочетаемость парадигматических форм с лично-притяжательными показателями» существовала уже в уральском праязыке. Хотя, принято считать, что не было в тот период «согласования между определением и определяемым словом» [14, 253–254]. В целом, такое правило расположения слов – «подчинённое слово стояло в препозиции к подчиняющему члену» – действовало и в финно-угорскую языковую общность. Однако специалистами допускается следующее: «Только определения уточняющего характера употреблялись в качестве приложений постпозитивно, но связь приложений и определяемого слова была обеспечена согласованием» [6, 384–385].

Фиксируются немногие примеры употребления отрицательного местоимения в номинативе в соответствующем личному местоимению

притяжательном оформлении, т. е. согласование в числе и лице: *Ме иктынат* (1 л. мн. ч., им. п. – Сиб.) *келшымыжым она ончо* (Г. Пирогов) ‘Мы никто не будем смотреть на его согласие’; *Теат иктыдат* (2 л. мн. ч., им. п. – Сиб.) *туге огыда ыште* (Е. Янгильдин) ‘И вы никто не сделаете так’; *Нуно иктыштат* (3 л. мн. ч., им. п. – Сиб.) *илен шуын огытыл* (Н. Лекайн) ‘Они никто не выжили’. В марийском языкознании на такую связь в словосочетании – условно «согласование» определяющего слова, здесь местоимения *иктат*, с личным местоимением в лице и числе – до сих пор не обращалось внимания. Эта связь нуждается в специальном исследовании. Правда, по отношению к связи в словосочетаниях типа *олан уремже* ‘улица города’, *тендан пашада* ‘ваша работа’, *тудын лумжэ* ‘его имя’, в которых главный компонент выражается именной частью речи в изменяемой (прежде всего в соответствующей притяжательной) форме, а зависимый – именной частью речи в генитиве, марийскими синтаксистами использованы термины *притяжательный кельшитарыме кыл* ‘притяжательная согласованная связь’ и *притяжений ‘притяжение’* [1, 14–15, 136; 12, 8].

В речи *иктат* может выступать при личных местоимениях и без притяжательных суффиксов (ибо лицо уже известно по личному местоимению), только в соответствующей падежной форме: *Мемнам иктымат* (вин. п. – Сиб.) *тынеш пуртен огытыл* (Ф. Майоров) ‘Нас никого не крестили’; *Нуным иктымат* (вин. п. – Сиб.) *судитлаш ок лий* (А. Александров) ‘Их никого нельзя судить’.

Такие прономинальные словосочетания, выражающие охват всех лиц из указанных (*ме* ‘мы’, *те* ‘вы’, *нуно* ‘они’), используются в общеотрицательных предложениях. Судя по количеству выявленных примеров, модель малоупотребительна. Это отчасти связано с тем, что в речи возможно самостоятельное употребление *иктат*, т. е. без личных местоимений, причём в различных притяжательных и падежных формах. Подобное использование *иктат* позволяет передавать все те значения, которые присущи личным местоимениям и их формам. Кроме того, функции субъектных личных местоимений выполняют в предложениях формы числа и лица предикативных глаголов и других средств. Например: *Иктат* (без формального показателя – Сиб.) *тыгай*

мутым ойлен огыл (В. Абукаев) ‘Никто не говорил таких слов’; *Оксан акшым ода пале иктыдат!* (2 л. мн. ч. – Сиб.) (В. Абукаев) ‘Вы никто не знаете цены деньгам’; *Иктынанат* (1 л. мн. ч., род. п. – Сиб.) *шинчаина ит кой* (Г. Пирогов) ‘Нам никому (букв. у нас ни у кого) на глаза не показывайся’; *Иктыландат* (дат. п., 2 л. мн. ч. – Сиб.) *ласка илышым ом сөрö* (А. Александров) ‘Вам никому не обещаю спокойной жизни’; *Иктыштымат* (3 л. мн. ч., вин. п. – Сиб.) *ом пале* (А. Александров) ‘Их никого не знаю’.

Обсуждение и заключение

Как свидетельствуют материалы, прономинальные словосочетания рассмотренных моделей встречаются в речи ограниченно. Это отчасти объясняется объективной редкой необходимостью передачи значения выделения одного лица из состава или в составе множества людей, а также (в случае с третьей моделью) наличием и широким употреблением в языке синтетических средств выражения числа и лица. (Небезынтересно отметить, что в соответствующих статьях девятитомного «Словаря марийских диалектов» Э. Беке [15], содержащего многочисленные иллюстративные предложения и синтаксические соединения, подобные словосочетания не выявлены. Нужно заметить, что материал словаря был собран в 1916–1918 гг. от 29 марийских военнопленных [17, 16–17; 18, 30]). В первых двух моделях в позиции главного компонента выступают чаще всего местоимения единственного числа, т. к. передаётся выделение одного лица из состава или в составе множества лиц (людей). Поэтому такие местоимения могут сопровождаться в речи ограничительно-выделительными частицами *лач*, *гына*, *веле* ‘только, лишь’. В третьей модели, наоборот, ввиду грамматического значения словосочетаний («ни один из указанного множества лиц»), *иктат* ‘никто’ употребляется при личных местоимениях только множественного числа. Доминирующая роль личных местоимений во всех моделях подтверждается тем, что в предложениях именно они определяют форму сказуемого, а в третьей модели, помимо этого, наблюдается согласование отрицательного местоимения *иктат* с предшествующим личным.

Определяющие имена (имена в послеложных конструкциях и *иктат*) в большинстве случаев

обозначают одушевлённый предмет, только местоимения 3 л. обоих чисел в первых двух моделях иногда допускают при себе слова, выражающие (или указывающие на) неживые предметы. Такая особенность обусловлена семантикой опорных местоимений, чаще всего указывающих на живые предметы (лица) и поэтому предусматривающих при себе соответствующие имена; как известно, только местоимения 3 л. способны указывать и на не лица и неодушевлённые предметы. Имена в послеложных конструкциях могут употребляться в формах множественного и единственного числа, что никак не отражается в значении словосочетаний (нормы марийского литературного языка пока не предписывают какую-либо одну форму числа в подобных конструкциях). В речи они, прежде всего существительные, способны сопровождаться разными определениями.

В отношении смысловой связи все модели относятся к атрибутивным, в словосочетаниях передаётся признак лица (лиц) и иногда неживых предметов по среде как совокупности лиц и иногда неживых предметов, откуда или где они выделяются (модели ИЧР_{кокла гыч} + М_{личн.}, ИЧР_{коклаште} + М_{личн.}), значение «никто из названного множества лиц» (модель М_{личн. мн. ч.} + М_{отр. иктат}). Компоненты связываются между собой способами послеложного управления (модели ИЧР_{гыч} + М_{личн.}, ИЧР_{коклаште} + М_{личн.}) и, условно, согласования (модель М_{личн. мн. ч.} + М_{отр. иктат}). В случаях изменения опорного местоимения в речи по падежам в первых двух моделях послеложные конструкции остаются без изменений, а в третьей модели происходит уподобление местоимения *иктат* предшествующему личному в падеже, числе и лице.

Список источников и литературы

1. Васинова Л. П. Кызытсе марий йылме. Простой предложений синтаксис: туныктышылан полыш. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1987. 144 с.
2. Васинова Л. П. Сопоставительная грамматика русского и марийского языков. Синтаксис: пособие для учителя. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990. 152 с.
3. Иванова Г. С. Словоизменительный потенциал личных местоимений (на материале мокшанских диалектов) // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 2. С. 225–235.
4. Иванова Г. С. Реляционная парадигматика отрицательных местоимений в мокшанском языке (на примере инсарского диалекта) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. Т. 14. Вып. 2. С. 191–198.
5. Карпова Л. Л. Морфология личных местоимений в нижнечепецком диалекте удмуртского языка // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Т. 15. Вып. 3. С. 402–413.
6. Майтинская К. Е. Вопросы сравнительного синтаксиса финно-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.: Наука, 1974. С. 383–396.
7. Патроева Н. В., Пашкова Т. В. Система частиц в диалектах ливвиковского наречия карельского языка: проблемы описания и интерпретации // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 4. С. 680–688.
8. Сергеев О. А. Марий йылме. Стилистика. I ужаш. Йошкар-Ола: МарГУ, 2010. 208 с.
9. Сибатрова С. С. Синтаксические особенности послелогов в марийском языке // *Fenno-ugristica*. Труды по финно-угроведению. Tartu, 1986. Вып. 13. С. 117–127.
10. Сибатрова С. С. Об одной из моделей прономинальных словосочетаний в марийском языке // Проблемы марийской и сравнительной филологии / отв. ред. Р. А. Кудрявцева. Йошкар-Ола, 2021. С. 50–54.
11. Современный марийский язык. Морфология / отв. ред. Н. Т. Пенгитов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. 324 с.
12. Тимофеева В. Т. Кызытсе марий йылме. Простой предложений синтаксис: туныктышылан полыш. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1989. 120 с.
13. Учаев З. В. Марий йылме: туныктышо-влаклан. 1-ше ужаш. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1982. 184 с.
14. Хайду П. Уральские языки и народы / пер. с венг. Е. А. Хелимского. М.: Прогресс, 1985. 430 с.
15. Beke Ö. Mari nyelvjárási szótár (Tscheremissisches Dialektwörterbuch). T. I–IX. Savaria: Szombathely Berzsenyi Dániel Tanárképző Főiskola Szombathely, 1997–2001. 3332 p. (Bibliotheca Ceremissica, T. IV).
16. Bereczki G. A cseremisz nyelv történeti alakтана. Debrecen: University of Debrecen Supplementum, 2002. 290 o.
17. Bereczki G. Köszöntő (Beke Ödön Mari nyelvjárási szótára első kötetének megjelenése alkalmából) // Beke-Szimpózium: Beke Ödön Cseremisz nyelvjárási szótárának megjelenése alkalmából (Szombathely, 2001. December 13). Savariae, 2004. Pp. 16–19. (Bibliotheca Ceremissia. T. VI).
18. Kuznecova M. Szubjektív megjegyzések Beke Ödön mari nyelvjárási szótáráról // Beke-Szimpózium: Beke Ödön Cseremisz nyelvjárási szótárának megjelenése alkalmából (Szombathely, 2001. December 13). Savariae, 2004. Pp. 29–32. (Bibliotheca Ceremissia. T. VI).

References

1. Vasikova L. P. *Kyzytse marij jylme. Prostoj predlozhenij sintaksis: tunykytshylan polish* [The Modern Mari language. Simple sentence syntax: Teacher's book]. Yoshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo Publ., 1987. 144 p. (In Mari)
2. Vasikova L. P. *Sopostavitel'naja grammatika russkogo i marijskogo jazykov. Sintaksis: posobie dlja uchitelja* [Comparative grammar of the Russian and Mari languages. Syntax: textbook]. Yoshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo Publ., 1990. 152 p. (In Russian)
3. Ivanova G. S. *Slovoizmenitel'nyj potencial lichnyh mestoimeniy (na materiale mokshanskih dialektov)* [Inflectional potential of personal pronouns (on the material of the Moksha dialects)]. *Vestnik ugrovedenia* [Bulletin of Ugric Studies], 2020, no. 10 (2), pp. 225–235. (In Russian)
4. Ivanova G. S. *Reljacionnaja paradigmatica otricatel'nyh mestoimeniy v mokshanskom jazyke (na primere insarskogo dialekta)* [Relational paradigmatics of negative pronouns in the Moksha language (using the Insar dialect as an example)]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2020, no. 14 (2), pp. 191–198. (In Russian)
5. Karpova L. L. *Morfologiya lichnyh mestoimeniy v nizhechepeckom dialekte udmurtskogo jazyka* [Morphology of personal pronouns in the Lower Chepts dialect of the Udmurt language]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2021, no. 15 (3), pp. 402–413. (In Russian)
6. Maytinskaya K. E. *Voprosy sravnitel'nogo sintaksisa finno-ugorskih jazykov* [Issues of comparative syntax of the Finno-Ugric languages]. *Osnovy finno-ugorskogo jazykoznanija. Voprosy proishozhdenija i razvitija finno-ugorskih jazykov* [Fundamentals of Finno-Ugric linguistics. Issues of origin and development of the Finno-Ugric languages]. Moscow: Nauka Publ., 1974. pp. 383–396. (In Russian)
7. Patroeva N. V., Pashkova T. V. *Sistema chastic v dialektah livvikovskogo narechija karel'skogo jazyka: problemy opisaniya i interpretacii* [Particle system in the Livvik dialect of the Karelian language: problems of description and interpretation]. *Vestnik ugrovedenia* [Bulletin of Ugric Studies], 2021, no. 11 (4), pp. 680–688. (In Russian)
8. Sergeev O. A. *Marij jylme. Stilistika. I uzhash* [Mari language. Stylistics. P. 1]. Yoshkar-Ola: MarGU Publ., 2010. 208 p. (In Mari)
9. Sibatrova S. S. *Sintaksicheskie osobennosti poslelogov v marijskom jazyke* [Syntactic features of postpositions in the Mari language]. *Fenno-ugristica. Trudy po finno-ugrovedeniju* [Fenno-Ugristica. Works on Finno-Ugric Studies]. Tartu, 1986. Iss. 13. pp. 117–127. (In Russian)
10. Sibatrova S. S. *Ob odnoj iz modelej pronominal'nyh slovosochetaniy v marijskom jazyke* [About one of the models of pronominal phrases in the Mari language]. *Problemy marijskoj i sravnitel'noj filologii* [Problems of Mari and comparative philology]. Ed. by R. A. Kudryavtseva. Yoshkar-Ola, 2021. pp. 50–54. (In Russian)
11. *Sovremennyj marijskij jazyk: Morfologiya* [Modern Mari language: Morphology]. Ed. N. T. Pengitov. Yoshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo Publ., 1961. 324 p. (In Russian)
12. Timofeeva V. T. *Kyzytse marij jylme. Prostoj predlozhenij sintaksis: tunykytshylan polish* [Modern Mari language. Simple sentence syntax: textbook]. Yoshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo Publ., 1989. 120 p. (In Mari)
13. Uchaev Z. V. *Marij jylme: tunykytsho-vlaklan. 1-she uzhash* [Mari language: for teachers. P. 1]. Yoshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo Publ., 1982. 184 p. (In Mari)
14. Khaydu P. *Ural'skie jazyki i narody* [Uralic languages and peoples]. Moscow: Progress Publ., 1985. 430 p. (In Russian)
15. Beke Ö. *Mari nyelvjárás szótár (Tscheremissisches Dialektwörterbuch)*. Savaria: Szombathely Berzsényi Dániel Tanárképző Főiskola Szombathely, 1997–2001. Vol. I–IX. 3332 p. (Bibliotheca Ceremissica, T. IV). (In Hungarian)
16. Bereczki G. *A cseremis nyelv történeti alaklata* [Historical morphology of the Mari language]. Debrecen: University of Debrecen Supplementum, 2002. 290 p. (In Hungarian)
17. Berecki G. *Köszöntő (Beke Ödön Mari nyelvjárás szótára első kötetének megjelenése alkalmából. Beke-Szimpózium: Beke Ödön Cseremis nyelvjárás szótárának megjelenése alkalmából (Szombathely, 2001. December 13))*. Savariae, 2004. pp. 16–19. (Bibliotheca Ceremissica. Vol. VI). (In Hungarian)
18. Kuznecova M. *Szubjektív megjegyzések Beke Ödön mari nyelvjárás szótáráról. Beke-Szimpózium: Beke Ödön Cseremis nyelvjárás szótárának megjelenése alkalmából (Szombathely, 2001. December 13))*. Savariae, 2004. pp. 29–32. (Bibliotheca Ceremissica. T. VI). (In Hungarian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сибатрова Серафима Сергеевна, старший научный сотрудник, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева (424036, Российская Федерация, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, ул. Красноармейская, д. 44), кандидат филологических наук, доцент.

simasibatrova802@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0002-9439-7269

ABOUT THE AUTHOR

Sibatrova Serafima Sergeevna, Senior Researcher, Mari Scientific Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev (424036, Russian Federation, Republic of Mari El, Yoshkar-Ola, Krasnoarmeyskaya st., 44), Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

simasibatrova802@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0002-9439-7269